

На следующей неделе — некруглая годовщина одного из самых спорных в последние десятилетия исторических событий. 23 августа 1939 года нарком иностранных дел СССР Вячеслав Молотов и его германский коллега Йоахим фон Риббентроп поставили подписи под советско-германским договором о ненападении. Этот договор, известный как «пакт Молотова — Риббентропа», и прилагавшийся к нему секретный протокол стали одними из самых демонизированных документов в современной историографии. Обилие фейков и домыслов, откровенная ложь и многочисленные попытки нарисовать образ Польши как жертвы амбиций двух бесчеловечных держав —

печальные реалии многих околоисторических кругов. Неудивительно, что и предстоящий 17 сентября День народного единства воспринимается ими неоднозначно. Однако историческая правда превыше политической конъюнктуры. О ней — наш разговор с известным белорусским историком, председателем Постоянной комиссии Палаты представителей Национального собрания по образованию, культуре и науке, членом-корреспондентом Национальной академии наук, доктором исторических наук, профессором Игорем Марзалюком.

«Чувство безоговорочной радости»

Ни одна политическая сила Беларуси не трактовала события 17 сентября 1939 года иначе как величайшей исторической справедливостью

— Игорь Александрович, менее чем через месяц мы впервые отметим День народного единства, учрежденный в нынешнем году...

— Значение этого дня для Беларуси может осознать лишь тот, кто представляет, что произошло с нашей республикой в 1921 году. Мы были унижены, растоптаны и разорваны. Хотелось бы напомнить, что ни в каких вариантах Польша белорусское государство не видела. Ни в каких! Да, из тактических целей Пилсудский рассуждал о федерации, но реальностью она не стала.

Главное отличие советской национальной политики от польской заключалось в том, что Советская Россия признавала равную субъектность Беларуси (ССРБ в то время) и отказывалась от каких-либо исторических притязаний на нее. Большевики никогда не исходили из того, что белорусской нации, народа и культуры вообще не существует.

Коротко напомню главное. 16 января 1921 года в Москве был подписан договор о взаимоотношениях ССРБ с РСФСР — так называемый Договор о военном и хозяйственном союзе. Этот документ трактовал нашу ССРБ как равноправный субъект международного права, подчеркивал ее равенство с РСФСР. Советская Россия, по сути, отказывалась от исторического права на Беларусь и ее земли. Отношения с Беларусью устанавливала союзнические.

24 марта 1921 года при Совете Народных Комиссаров РСФСР было создано Полномочное представительство Белорусской ССР — на основе упомянутого союзного договора. Представительству вменялось в обязанность защищать интересы республики на всех уровнях и во всех центральных органах. Это можно считать началом белорусской дипломатии.

Тот, кто уничтожительно отзывается о 17 сентября, не может считаться патриотом Беларуси.

Более того, ССРБ была одной из основательниц СССР. Белорусский язык и литература получили прописку в школах и вузах БССР. В Западной же Беларуси шли диаметрально противоположные процессы: белорусская культура съезжалась, как шагреновая кожа. Ни одна белорусская национальная сила не признала Рижский договор, ведь он был антибелорусским по сути, хотя юридически и закреплял независимость ССРБ и даже декларировал определенные гарантии белорусам для организации национальной и культурной жизни в составе Польского государства. В частности, польские правящие круги обязались обеспечить для всех национальных меньшинств равные политические права и свободное развитие культуры и вероисповедания. На практике же все было иначе.

— Мы об этом подробно рассказывали нашим читателям в большом проекте «Реалии и мифы», который был приурочен к 100-летию БССР и выходил на страницах нашей газеты в 2018–2019 годах. Но основные факты, подтверждающие ваше заключение, стоит, наверное, напомнить?

— Увы, фактов этих великое множество. Политика правовой дискриминации белорусов на западных землях получила свое логическое развитие в официальном заявлении польского министра иностранных дел Юзефа Бека, который на заседании Лиги Наций в сентябре 1934 года озвучил отказ Польши от данных ранее гарантий по охране прав национальных меньшинств. В результате у православных через суды стали забирать храмы и преобразовывать их в костелы, а на представителей белорусского духовенства, не желавших поддержать автокефалию, обрушились репрессии. Ксендзов-белорусов, которые вели богослужения на родном языке, выслали в католические приходы коренной Польши, заменяли ксендзами-поляками, отправляли даже на миссионерскую деятельность в далекий Харбин.

Никто не заботился о развитии образования, были закрыты две учительские белорусские семинарии и восемь бело-

русских гимназий. 35 процентов населения Западной Белоруссии в конце 1930-х оставалось безграмотным.

Шло целенаправленное наступление на белорусскоязычные СМИ. В тюрьмах Западной Белоруссии в 1923 году насчитывалось 1300 политзаключенных, в августе 1927-го их стало уже 3 тысячи. Со второй половины июня 1934 года до сентября 1939-го в местечке Бере-

за-Картузская действовал лагерь, через который, по неполным данным, прошли около 10 тысяч белорусов, русских, евреев, украинцев, а также польских политических оппонентов Пилсудского. Кроме того, Западная Белоруссия усиленно эксплуатировалась в экономическом плане: беспощадно вырубалась Беловежская пуца, вывозились другие природные ресурсы.

Поляки воспринимали белорусов не как нацию, а как этнографическую массу, которую они собирались ассимилировать и превратить в этнографическую группу польского народа. В конце 1937 года польским МВД был разработан план «Перспективы внутреннего осадничества», который предполагал для достижения «стабильного преимущества польского населения» осуществлять колонизацию осадников, выселение непольского населения или обмен его на поляков.

Как установил брестский историк Александр Вабищевич, этими миграционными процессами следовало охватить 6 миллионов человек. Кроме того, в 1937–1938 годах польские ученые проводили закрытые (не для широкой публики) этносоциологические исследования, изучавшие уровень национального сознания почти в двух сотнях деревень Виленско-Трокского, Ошмянского, Дисненского, Вилейского, Воложинского, Молодечненского, Поставского и Браславского поветов. Результаты этих исследований Александр Вабищевич сформулировал так:

«Анкетирование на территории Виленско-Трокского и Ошмянского поветов не показало роста национального сознания местного польского населения... На территории двух указанных поветов из 52-х опрошенных деревень только в семи был признан хорошим уровень национального сознания поляков... В ходе исследования выяснилось, что православные белорусы в деревнях больше тянулись не к польской культуре, а к белорусской».

Польская армия производит захват Тешинской Силезии в 1938 году.

— Что ж, причина массового воодушевления от произошедшего 17 сентября 1939 года воссоединения совершенно ясна. Не секрет и довольно близкие отношения довоенной Польши и гитлеровской Германии. Еще в 1990 году советским МИД был издан сборник рассекреченных документов «Год кризиса 1938—1939. Документы и материалы». А в 2009-м большой интерес историков вызвал еще один сборник — «Секреты польской политики. 1935—1945», уникальные материалы которого я не раз использовал в своих публикациях. Достаточно процитировать рейхсмаршала Геринга, заявившего в одной из бесед с польским маршалом Рыдз-Смиглы: «Польша — наш духовный союзник. У нас прекрасно складываются отношения, и мы будем с вами до конца». Как же на фоне всего этого все-таки воспринимать пресловутый пакт — советско-германский договор о ненападении?

— Тем, кто хочет детально изучить этот вопрос, я бы настоятельно рекомендовал книгу известного российского историка Александра Дюкова «Пакт Молотова — Риббентропа» в вопросах и ответах». Это научно-популярная работа, но в ней как раз суммированы ответы на все стереотипы и мифологемные суждения об этом документе.

«Тезис о том, что «тоталитарные режимы Германии и СССР неизбежно должны были договориться, поскольку оба они были тоталитарными», сегодня достаточно популярен, прежде всего в Европе, — отмечает историк. — Однако с действительностью этот тезис не имеет абсолютного ничего общего.

На самом деле именно Советский Союз в 1930-е годы выступал наиболее последовательным противником экспансионистских и реваншистских планов нацистской Германии».

Александр Дюков напоминает, что уже 3 февраля 1933 года, через несколько дней после назначения Гитлера рейхсканцлером Германии, лидер нацистов в качестве цели своей политики заявил «завоевание нового жизненного пространства на востоке и его беспощадную германизацию». Вскоре нацистами был организован поджог здания Рейхстага, в котором были обвинены коммунисты. Последовавшие за этим преследования коммунистов, антиеврейские акции и костры из книг на площадях немецких городов не могли вызывать симпатий в Москве, и уже в июне 1933-го СССР заявил Германии о прекращении военного сотрудничества.

«Восточный пакт» о взаимном ненападении был блокирован дипломатическими усилиями нацистского Берлина и довоенной Варшавы.

В дальнейшем советско-германские отношения продолжали лишь ухудшаться, подчеркивает Александр Дюков: «Когда полтора года спустя, в декабре 1934 года, советского посла в Лондо-

Карикатура Кукрыниксов на Мюнхенский договор, 1938 год.

не Ивана Майского спросили об отношении СССР к Германии и Японии, ответ был лапидарен. «Наши отношения с этими двумя странами характеризуются... наличием сильных подозрений в том, что они имеют агрессивные стремления в отношении нашей территории», — ответил посол».

Как отмечает автор книги, первоначально потенциальную германскую экспансию предполагалось блокировать путем заключения двусторонних договоров с странами Восточной Европы.

В декабре 1933-го СССР предложил Польше подписать совместную декларацию о заинтересованности в неприкосновенности Прибалтики, однако это предложение было отвергнуто все более и более ориентированной на Берлин Варшавой.

Еще один показательный факт. «В мае 1934 года министр иностранных дел Франции Луи Барту предложил заключить договор о взаимопомощи между Францией и Советским Союзом, — пишет Александр Дюков. — Помимо этого, предполагалось заключить «Восточный пакт» — многостороннее соглашение о взаимном ненападении всех стран Восточной Европы, а также СССР и Германии. Кремль в целом поддержал эти проекты, поскольку они способствовали обеспечению безопасности советских границ. Однако «Восточному пакту» не суждено было состояться: его подписание было блокировано дипломатическими усилиями Берлина и Варша-

вы, а его инициатор, Луи Барту, вместе с королем Югославии Александром был убит хорватскими террористами (при содействии нацистов) в октябре 1934 года».

ТОЛЬКО ФАКТЫ

- В 1933 году Польша стала первым государством, которое сразу же после прихода нацистов к власти установило с ними дружеские отношения.
- После выхода Германии 14 октября 1933 года из Лиги наций польская дипломатия добровольно взяла на себя защиту там ее интересов.
- 26 января 1934 года Польша первой в Европе подписала с нацистской Германией декларацию (пакт) о ненападении сроком на 10 лет.
- В секретной части этой декларации была договоренность о взаимной военной помощи и разделе сфер влияния.
- В начале лета 1934 года в Варшаве начальник Польского государства Юзеф Пилсудский с королевским размахом принял министра имперской пропаганды Йозефа Геббельса.
- Неоднократно приезжал поохотиться в польской Беловежской пуще рейхсмаршал Герман Геринг, второе лицо в нацистской Германии.
- В июне 1935 года посол США в Берлине Уильям Додд писал о получении от высокопоставленных немецких чиновников информации о том, что Германия в союзе с Польшей готовится к захвату Балтийских государств и западных территорий СССР.
- В 1938 году Польша заявила, что немедленно начнет военные действия против СССР, если тот попытается направить войска через польскую территорию для оказания помощи Чехословакии.
- 23 февраля 1938 года польский министр иностранных дел Юзеф Бек на встрече с Германом Герингом заявил о готовности Польши считаться с германскими интересами в Австрии, подчеркнув интерес к «чешской проблеме».

Не менее показательным и то, что 17 марта 1938-го советское правительство приняло очередную попытку по созданию системы «коллективной безопасности», предложив созвать международную конференцию для рассмотрения «практических мер против развития агрессии и опасности новой мировой войны». Однако это предложение было отвергнуто уже Лондоном — как «подрывающее перспективы установления мира в Европе».

«Германия и Англия являются двумя столпами европейского мира и главными опорами против коммунизма, и поэтому необходимо мирным путем преодолеть наши нынешние трудности, — заявил британский премьер-министр Невилл Чемберлен 12 сентября 1938 года. — Наверное, можно будет найти решение, приемлемое для всех, кроме России».

Германский посол Ганс-Адольф фон Мольтке, лидер Польши Юзеф Пилсудский, германский министр пропаганды Йозеф Геббельс и министр иностранных дел Польши Юзеф Бек на встрече в Варшаве 15 июня 1934 г.

Несколько недель спустя, 30 сентября, в Мюнхене состоялось совещание глав правительств Великобритании, Франции, Германии и Италии, на котором было утверждено отторжение от Чехословакии ряда областей. «Мюнхенский договор» состоялся за спиной Советского Союза и был воспринят в Кремле как наглядное свидетельство сближения между Гитлером, с одной стороны, и Великобританией и Францией — с другой, отмечает Александр Дюков. Так про какой же союз СССР и Третьего рейха может идти речь?

Зато упоминавшийся уже выше глава польского МИД Юзеф Бек в рамках германо-польской дружбы 5 января 1939-го был принят Гитлером в личной резиденции «Берхтесгаден». Фюрер предложил Польше участвовать в планируемом «крестовом походе» на СССР и заявил Беку, что существует «единство интересов Германии и Польши в отношении Советского Союза» и что «каждая использованная против СССР польская дивизия означает экономию одной немецкой дивизии».

26 января 1939 года Бек сообщил Риббентропу, что главная цель Польши — «ослабление и разгром России» и что она намерена претендовать на советскую Украину и на выход к Черному морю. А уже 4 марта 1939-го польское военное командование подготовило план войны с СССР под названием Wschód («Восток»).

Другое дело, что на фоне последовавших затем разногласий по поводу «польского коридора» Гитлер в апреле 1939 года денонсировал пакт о ненападении с Польшей, и союзническая друж-

Константин Симонов (из книги «Глазами человека моего поколения»):

— То, что там, в Европе, наши войска вступают в Западную Украину и Белоруссию, мною, например, было встречено с чувством безоговорочной радости. Надо представить себе атмосферу всех предыдущих лет, советско-польскую войну 1920 года, последующие десятилетия напряженных отношений с Польшей, осадничество, переселение польского кулачества в так называемые восточные кресы, попытки колонизации украинского и в особенности белорусского населения...

То, что происходило, казалось мне справедливым, и я этому сочувствовал. Сочувствовал, находясь еще на Халхин-Голе и попав неделей позже, обмундированный по-прежнему в военную форму, с Халхин-Гола в уже освобожденную Западную Белоруссию. Я ездил по ней накануне выборов в Народное собрание, видел своими глазами народ, действительно освобожденный от ненавистного ему владычества, слышал разговоры, присутствовал в первый день на заседании Народного собрания. Я был молод и неопытен, но все-таки в том, как и чему хлопают люди в зале и почему они встают, и какие у них при этом лица, кажется мне, разбирался и тогда.

Для меня не было вопроса. В Западной Белоруссии, где я оказался, белорусское население — а его было огромное большинство — было радо нашему приходу, хотело его.

ба и любовь Варшавы и Берлина рухнула. У наших соседей началась антигерманская истерия. 24 августа Польша сбивла два гражданских самолета компании Lufthansa, а 30 августа в Кракове был убит германский консул Август Шиллингер. В этот период наиболее популярной в Польше стала песня о том, как поляки под командованием маршала Рыдз-Смиглы идут победоносным походом на Рейн. Польша объявила всеобщую мобилизацию и была уверена в своей победе.

Но это отдельная история. Мы же отметим главное.

Ни одна политическая сила в Беларуси не трактовала события 17 сентября 1939 года иначе, чем акт величайшей исторической справедливости. Даже те, кто понимал, что будет в советской Белоруссии репрессирован, воспринимал факт воссоединения в высшей степени позитивно. Это акт воссоединения нашей Родины, после которого ядро белорусских земель стало единым целым. И позже, в ходе Великой Отечественной войны, белорусское население в абсолютном большинстве своим показало и доказало, какую власть оно считает своей и за что оно готово умирать с оружием в руках. Убежден: тот, кто уничижительно отзывался о 17 сентября, не может считаться патриотом Беларуси.